

ОРГАНИЗАЦИЯ СНАБЖЕНИЯ АРМИИ СИЛАМИ ВОРОНЕЖСКОГО ЗЕМСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д. А. Цуканов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 декабря 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о характере кризиса продовольственного снабжения, имевшего место в Воронежской губернии в 1916 – начале 1917 г. Анализируются причины возникших трудностей в снабжении армии и поиски путей их решения.

Ключевые слова: продовольственный кризис, Первая мировая война, Воронежская губерния.

Abstract: the article discusses the question of the nature of the crisis food supply that have taken place in Voronezh province in 1916 – early 1917. Analyzes the causes of difficulties in the supply of army and ways of their solution.

Key words: food crisis, First World War, Voronezh region.

В юбилейный для российской революции год особенно злободневными становятся вопросы, которые уже десятки раз поднимали советские и российские историки, старавшиеся выяснить причины произошедшего столетие назад крупнейшего социального перелома в отечественной истории. Закономерность падения монархии для историков советской школы была очевидна: преступная власть не имела больше исторических перспектив, а потому была обречена. Причинами революции называли антинародную аграрную политику царизма, антагонизм непримиримых социальных групп, несовместимость самодержавной власти с общественным самоуправлением. С падением коммунистической идеологии и освобождением от оков догматизма историки стали шире смотреть на сущность революции 1917 г., признав, что фатальной для монархии стала не ее социально-экономическая политика, а разразившаяся в 1914 г. мировая война. Перевод экономики на военные рельсы, массовые мобилизации, колоссальный рост государственных расходов не могли не сказаться на резком ухудшении материального положения народных масс [1, с. 67]. Как известно, революция в столице началась стихийно и проходила под лозунгами «Долой войну!», «Хлеба!». По Петрограду молниеносно стали распространяться слухи о возможном голоде в случае, если в городе не будет достаточного количества главного продукта питания. Продовольственный кризис, таким образом, воспринимался как ключевой катализатор социального взрыва, который позже историки назовут Февральской революцией.

На продовольственный кризис как на одну из причин революции указывает и М. В. Оськин, кото-

рый, однако, конкретизирует: он был кризисом не производства, а распределения и снабжения [2, с. 53]. Представляется, что власть вполне осознавала стоящие перед ней задачи бесперебойного продовольственного снабжения в условиях военного времени и предпринимала адекватные меры по реализации продовольственной политики. М. Оськин отмечает, что «первые два года войны продовольственная система России успешно справлялась со своими задачами» [там же, с. 54]. Более того, оснований для возникновения продовольственной проблемы не могло быть уже в силу того, что в военные годы урожайность зерновых была на высоком уровне. В дополнение ко всему резкое сокращение хлебного экспорта привело к аккумуляции хлеба внутри страны, что повлекло «образование сверхнормативных запасов зерна, которые к 1916 г. превысили, по подсчетам специалистов, 1 млрд пудов» [1, с. 67]. Но затяжной характер войны внес свои коррективы в характер функционирования экономики страны. В рыночную систему стало вмешиваться государство, которое через Министерство земледелия регулировало ключевые экономические процессы. Речь идет о введении фиксированных цен, обязательных закупках зерна, продразверстке А. А. Риттиха, карточной системе. Но основной парадокс социально-экономической ситуации заключался в том, что продовольственный кризис не носил характера дефицита основных продуктов питания, а был вызван нарушением экономических связей между производителями и потребителями. В условиях, когда в стране сосредоточились огромные запасы хлеба, город испытывал в нем нужду. Об этом опасном явлении писали исследователи М. Карпачев и Г. Корнилов, описывая продовольственную проблему, возникшую в России

в годы Первой мировой войны [1, с. 79; 3, с. 94]. Воронежская губерния на первых порах не испытывала трудностей продовольственного характера ни в плане урожайности, ни в плане организации снабжения города зерном. Находясь в глубоком тылу, регион жил обычной мирной жизнью, периодически получая вести с фронта и эшелоны с ранеными и беженцами. Первые месяцы войны власти рассчитывали на свободную от вмешательства государства торговлю, и действительно, никаких поводов для беспокойства не было. Ситуация начала меняться к середине 1915 г., когда цены на продукты поползли вверх, а предприимчивые крестьяне с введением такс стали придерживать хлеб, надеясь сбыть его по более выгодным ценам.

Власть, хорошо понимая хозяйственные возможности земства, возложила на него часть обязанностей по организации поставок продовольствия для нужд армии. В частности, губернские и уездные земские органы должны были заниматься выращиванием и убоем скота, организацией хранения мяса, его транспортировкой и т. д. В расход принималось мясо крупного рогатого скота, овец и свиней. «К обязательной поставке скота для нужд действующей армии должно быть привлечено население всех губерний и областей империи, – говорилось в распоряжении, разосланном Министерством земледелия по регионам, – и соответственно с этим должен быть выработан план обязательных закупок земствами или органами, их заменяющими» [4, д. 10384, л. 2]. Предполагалось, что население самостоятельно будет сдавать скот представителям земства по определенной стоимости, в противном случае специальная комиссия прибегала к реквизиции, т. е. обязательному изъятию скота по фиксированным ценам [там же]. Реквизиции мяса, которые проводились в виде закупок живого скота у крестьян и крупных производителей по фиксированным ценам, затрагивали интересы собственников. Часть крупных землевладельцев Бобровского уезда обратилась к уездному земству с предложением включить своих представителей в состав комитета по реквизиции скота, объясняя свое желание получением возможности в той или иной мере оказывать влияние на принятие хозяйственных решений [там же, л. 11]. Управа согласилась с доводами бобровских производителей и положительно откликнулась на их ходатайство. К поставке в армию принимались волы и коровы не моложе полутора лет, живой вес которых должен был превышать 15 пудов. От реквизиции освобождался племенной и молочный скот, стельные коровы и молодняк, а также единственное взрослое животное в хозяйстве [там же, л. 4 об.]. Обязательным условием при сдаче скота на железнодорожные станции должно было быть наличие не-

обходимого корма (солома или концентрированные корма) в расчете на 3–5 дней. Министерство земледелия обязывалось отпустить необходимые средства на поставку скота на три месяца вперед, оплатив при этом накладные расходы, которые не должны были превышать 2 % от стоимости сданного скота или мяса [там же, л. 5]. Уже в конце 1916 г. власти пытались стимулировать сдачу необходимого для скота корма введением краткосрочных льгот на поставку сена и соломы. В месячный срок до 6 января 1917 г. указанные корма оплачивались выше твердых цен, существовавших в губернии. Кроме того, доставщики сена получали за его подвоз оплату в двойном размере. Дефицит сухих кормов, вероятно, был так велик, что премировались даже комиссионеры, т. е. приемщики сена, в случае если объем заготовленного корма превышал 3 тыс. пудов [5, д. 2125, л. 5]. В мае 1916 г. министр земледелия утвердил очередные твердые цены на мясо, которые зависели от веса животного. Так, например, цена одного пуда 15-пудового быка равнялась 6 р. 25 коп., а при весе животного в 16 пудов уже 6 р. 35 коп. Задумка чиновников заключалась в том, что надбавка в виде 10 или 20 коп. за каждый пуд живого веса будет дополнительной мотивацией для производителей, поскольку в итоге цена за единицу рогатого скота повышалась на несколько рублей. Аналогичное ценообразование устанавливалось на свиней и овец, мясо которых стоило дороже [4, д. 10384, л. 290]. На сентябрь 1916 г. квоты по сдаче скота были для всех уездов одинаковые – по 2000 овец, за исключением Острогожского, Воронежского и Валуйского уездов, которые должны были обеспечить поставки 1050 голов крупного рогатого скота в совокупности [там же, д. 10383, л. 8]. Всего же Воронежская губерния должна была в срок до 1 января 1917 г. поставить 80 тыс. голов или 9 тыс. голов в месяц, что соответствовало 800 тыс. пудов мяса в год [там же, д. 10384, л. 2]. Естественно, такие масштабы были внушительными и вряд ли реализуемы в условиях государственного ценообразования.

Вопрос о зимнем откорме скота частными лицами был поднят Министерством земледелия. «В предстоящий зимний период вопрос об откорме скота в целях накопления запаса мяса в стране и снабжения войск доброкачественным продуктом приобретает особое важное значение», – подчеркивалось в циркуляре [там же, д. 9586, л. 21]. Отдел заготовок продовольствия и фуража для нужд действующей армии (структурное подразделение Министерства земледелия) предлагал поощрять хозяйства, которые ответственно подошли к делу государственного значения – откорму скота. Так, предлагалось за откорм животного концентрированными кормами, позволяющими

быстро набрать вес, выплачивать премию в 10 р. за каждый пуд привеса. Так, например, животное, сданное откормщику, весило при сдаче 20 пудов, а после откорма живой вес увеличился до 23 пудов. При оценке живого веса по твердым ценам для двадцатипудового животного в 7 р. твердая цена для двадцатитрехпудового определится в 7 р. 30 коп. Таким образом, откормщик мог получить за откорм животного $(23 \times 730) - (20 \times 700) = 27$ р. 90 коп. плюс премию в 30 р., т. е. всего ему будет оплачено за откорм 57 р. 90 коп. [там же, л. 21 об. – 22]. Как видно из этих незамысловатых расчетов, земство пыталось материально стимулировать производителей мяса, но финансовые возможности местного самоуправления были не безграничны. Снабженческая проблема побуждала земские органы оригинально подходить к решению данного вопроса. Министерство земледелия было воодушевлено инициативой некоторых земств, предложивших увеличить производство мяса путем раздачи молодняка свиней населению с «обязательством по выкормке их сдать для армии свиное мясо и сало по установленным ценам» [там же, д. 10384, л. 11].

Инфляция, вызванная не столько обстоятельствами военного времени, сколько спекуляциями [1, с. 72], приводила к регулярному повышению цен на основные продукты питания. Вздорожание мяса на рынке не могло уйти от внимания земства, которое, поставляя мясо действующей армии, выполняло важную государственную функцию. Уже к концу 1916 г. губернский комитет по поставкам скота для нужд действующей армии вынужден был собрать заседание комиссии с целью выработать новую ценовую политику в отношении свиного мяса, поставляемого на фронт. Так, если в сентябре 1916 г. цены на такие продукты, как шейка, лопатка и корейка, составляли 15 р. за пуд, то по решению комиссии от 8 декабря 1916 г. за эти же продукты приходилось отдавать 19 р. [4, д. 9586, л. 12, 49]. В среднем цены выросли на 2–6 р. в зависимости от характера продукта свиного происхождения. Наряду со свиным мясом земство отдавало распоряжения подчиненным ведомствам и относительно баранины, а также крупного рогатого скота, но объем производства данного мяса уступал объемам производства свинины. Еще в начале года по инициативе губернатора М. Д. Ершова было созвано совещание, предметом обсуждения которого стала борьба с ростом цен. Как выяснили участники совещания, цены совершенно необоснованно выросли более чем в два раза. М. Карпачев указывает на то, что параллельно набирающей силу инфляции происходила своего рода индексация доходов наемных рабочих [1, с. 71]. Иными словами, с ростом цен наблюдалась положительная динамика

в изменении оплаты труда. Однако стоит учесть еще и тот факт, что в подавляющем большинстве население губернии было крестьянским, главным источником дохода которого были не заработки, а продукция сельского хозяйства, продав которую можно было приобрести потребительские товары. Разумеется крестьян интересовала рыночная цена на свой товар, только в этом случае уровень их благосостояния рос.

Конечно, армия нуждалась не только в продовольствии, но и в теплых вещах, особенно в межсезонье. Потребность в одежде была настолько велика, что государство было поставлено перед необходимостью закупать одежду у населения, будучи не в состоянии организовать ее оперативный пошив в серийном производстве. Ввиду этого обстоятельства Военный совет Московского военного округа признал необходимым «обратиться к содействию земских управ с просьбой оповестить население и организовать от него прием вполне пригодных теплых вещей» [6, д. 2159, л. 2]. В перечень необходимых для армии вещей входили теплые вязаные фуфайки, полушубки удлиненные и укороченные, бурочные кафтаны, валенки с войлочными подошвами, теплые сапоги, валенки, обшитые кожей, теплые портянки [там же]. Военное ведомство уточняло, что вещи должны быть пригодны для использования и до отправки на фронт подлежать хранению в земских помещениях. Оценка приобретаемых для нужд военнослужащих вещей должна быть, согласно требованиям, «справедливой и добросовестной» [там же]. Справедливой, по мнению военного министерства, должна была быть цена за полушубок – 5 р. 40 коп., за пару портянок суконных – 72 коп. [там же]. Стоимость остальных вещей должна была определить земство. Спустя неделю после того, как распоряжение губернатора было разослано по уездам, Воронежская уездная земская управа прислала воронежскому градоначальнику предложение с пометкой «Срочно» и почему-то «Секретно». Земцы предлагали губернатору приобрести 5 тыс. пар чулок по ценам от 3 р. до 4 р. 50 коп. за 10 пар. Кроме того, Управа заявила о готовности в случае необходимости изготовить 100 тыс. пар чулок. Земцы торопили губернатора с принятием решения о закупке шерстяных изделий, резонно полагая, что «крестьяне, не дождавшись уведомления, могут продать их на предстоящей 29 августа ярмарке» [там же, л. 5]. В первое время уезды Воронежской губернии либо доводили до сведения Управы, что теплых вещей для снабжения армии не имеется, либо предлагали приобрести валенки, чулки или портянки [там же, л. 9]. Тем временем военное ведомство в переписке с губернской управой указывало на необходимость теплой одежды ввиду приближающихся холодов.

Потребность в этом была столь высока, что счет шел на сотни тысяч изделий. Так, для офицеров необходимо было иметь на складе «50 тыс. дубленок, полушубков для нижних чинов – 200 тыс., такое же количество сапог и валенок требовалось для покрытия нужды, портянок – 400 тыс. аршин сукна» [там же]. Конечно, земство не могло удовлетворить запросы армии в таком количестве одежды, учитывая сам характер получения этих вещей. Обладая низкой покупательной способностью, население просто не могло иметь лишней верхней одежды, которую теперь можно было сдать фронту, хотя бы и получив за это компенсацию. Как видно из переписки уездных земств и губернатора, единственное, что могли предложить жители губернии фронту в большом количестве, – носочно-чулочные изделия. Впрочем, при закупке вещей для нужд армии не обошлось без недоразумений. Фонд губернатора хранит материалы дела по обвинению земского чиновника А. О. Абрамова в распространении ложных слухов относительно использования вещей, собранных для армии, не по назначению. В разговоре с крестьянами, которых он встретил, направляясь в одно из сел, выполняя ведомственное поручение, Абрамов заявлял, что «на войне им – чиновникам, начальству и сестрам милосердия – живется очень хорошо, все хорошее из вещей, вина и продуктов, жертвуемое для больных и раненых воинов, остается у них, а больным и раненым выдается что похуже... сестры милосердия своим делом не занимаются, а больше занимаются кутежами и гульбою с теми же чиновниками, большая часть жертвованного на Красный Крест для раненых последним не попадает, а все это расхищается, пропивается самими чиновниками, начальством и сестрами милосердия, при этом Абрамов заключил свой разговор словами: вот вы, мужики, здесь жертвуете на раненых, а мы там на войне все ваши пожертвования для раненых расхищаем и пропиваем» [5, д. 2010, л. 6 об.]. Абрамов свою вину отрицал и заверял пристава, что крестьяне, с которыми он беседовал, неправильно его поняли. Абрамов в объяснительной на имя губернатора писал: «Разговоры шли обычные... и когда дело доходило о том, что крестьянам хотелось бы знать: как дела обстоят на войне, то я, не имея права рассуждать об этом, отвечал, что об этом говорить не намерен, да и не имею на это права. Лично я у них же тоже начал спрашивать: не имеют ли они хорошего крестьянского полотна для продажи или не знают ли, у кого таковое есть, и на это я получал от них ответы, что у них лично... да и во всех домохозяев слободы Верхнего Быка полотна сейчас продажного не имеется» [там же, л. 13 об.]. Выяснив, что свое поручение он выполнить вряд ли сможет, Абрамов высказал свое сожаление по поводу поспешности продажи необхо-

димых для войны вещей. «Гораздо приятнее, продолжал я, если бы полотно натурой было отправлено по принадлежности, так как в нем военные госпиталю и раненные сильно нуждаются. Тем мои разговоры с названными крестьянами и закончились по пути к Верхнему Быку. При этом присовокупляя, что я, неся свой великий долг перед Государем Императором и Отечеством, остаюсь верным сыном родины и допустить преступные шаги считаю за невозможность, памятуя позор своей личности и имея в виду ответственность перед Законом. Сложилось все это чисто случайно, вследствие нелепых выдумок крестьян, с которыми, к моему несчастью, пришлось случайно ехать вместе, и нелепости эти выдуманы ими по своей темноте и невежеству». Абрамов добавляет, что в свое время, когда он был сельским писарем в их слободе, эти крестьяне «имели со мною недоразумения, а теперь за все прошлое, полагаю, намеревались возместить» [там же, л. 13 об. – 14]. Вряд ли теперь представляется возможным выяснить, кто лгал, а кто говорил правду в деле сельского писаря Абрамова, но сам факт этого прецедента свидетельствовал о том, что попытки посеять сомнения в необходимости сплочения народных сил в годы войны все же предпринимались.

9 сентября 1916 г. вышло постановление воронежского губернатора о запрете вывоза свиней и свиного мяса с целью проведения реквизиционных мероприятий. Нарушители данного постановления подвергались тюремному заключению на срок до трех месяцев или денежному штрафу в размере до трех тысяч рублей [4, д. 10390, л. 42]. Ранее уже был введен запрет на вывоз зерновых из губернии, преследовавший цель сначала выполнить план по казенным заготовкам для нужд армии. Запрет М. Ершова на вывоз свинины застал врасплох многих торговцев, которые закупали мясо в Воронежской губернии. Многие из них оформили сделки до 15 сентября 1916 г. (именно тогда вступило в силу распоряжение губернатора) и потому оказались в неприятном положении из-за невозможности вывезти купленный скот. Так, мещанин А. П. Стеценков жаловался губернатору на пресловутое распоряжение, которое не позволило ему перевезти приобретенный им в Землянском уезде скот [там же, л. 156–157]. Другое прошение, поступившее уже из Москвы, было адресовано М. Ершову от хозяина местной колбасной фабрики, сырье для которой он покупал в Воронежской губернии постоянно. Предприниматель просил сделать ему исключение, указывая на регулярный характер его хозяйственных связей с губернией [там же, л. 149]. В обоих случаях губернатором был дан отрицательный ответ.

Кризисные явления, свидетельствующие о пресловутом кризисе, проявились в конце 1916 г.

Командующий войсками Московского военного округа И. И. Мрозовский 28 ноября 1916 г. направил воронежскому губернатору особое предписание с пометкой «Секретно». В нем генерал указывал на серьезные перебои с доставкой продовольствия на фронт и сетовал на рост потребности в продуктах первой необходимости пропорционально росту количества призывников. Чиновник подчеркивал, что он знает о том, что «в распоряжении городов или земства зачастую имеются значительные запасы продовольствия и фуража, своевременное позаимствование которых может помочь вовремя и быстро устранить возникшие затруднения» [5, д. 2114, л. 1]. По сути, генерал призывал М. Ершова прибегнуть к более решительным мерам в проведении государственных закупок хлеба. В ответе Мрозовскому воронежский губернатор вынужден был констатировать, что запасов продовольствия и фуража губерния не имеет, хотя военные склады с задержкой, но пополняются. М. Ершов указывал на необходимость внесения единообразия в процесс заготовки запасов хлеба, что на практике означало невмешательство военных частей и военного министерства [там же, л. 2]. Дело в том, что военное ведомство, наблюдая за тем, что перебои в поставках продовольствия становятся все более регулярными, поощряло покупки военными частями продовольствия по ценам, которые, естественно, были выше установленных государством. Это сводило на нет все усилия царской администрации в губерниях и земств по решению снабженческого вопроса. По иронии судьбы на следующий день после секретного письма Мрозовского министр земледелия А. А. Риттих объявил о введении в стране продовольственной разверстки. В руках у губернатора, с одной стороны, появился еще один административный инструмент, с помощью которого он мог увеличить хлебозаготовки, а с другой стороны, чиновник не мог не понимать, что эта мера вряд ли вызовет симпатии у крестьянства.

Несмотря на сложности, возникающие в процессе снабжения армии продовольствием, власти все же должны были считаться с трудностями населения и идти на послабление административных ограничений. В конце 1916 г. министр земледелия А. Риттих распространил распоряжение, имевшее, по-видимому, цель смягчить социальную напряженность, нарастающую как в городе, так и в деревне. Согласно указу министра губернатор Ершов постановил «отменить до 20 декабря включительно все ограничения и запрещения относительно вывоза и ввоза, и кроме того, до 1 февраля 1917 г. все таксы для молока, скоромного масла и прочих молочных продуктов, телятины, поросят, дичи, битой птицы, копченых окороков и

вообще копченых изделий, рыбы всякой, рыбных продуктов, макарон, крупы всякой, кроме гречневой и пшеничной, грибов и всякого постного масла, кроме подсолнечного» [там же, д. 2125, л. 1а]. Уточнялось, что данное исключение было сделано ввиду приближающегося празднования Рождества Христова [там же, л. 2]. Объявления с этой приятной для населения новостью были расклеены по улицам Воронежа и уездных центров, а также напечатаны в газете «Воронежские губернские ведомости» от 17 декабря 1916 г.

Регулярность поставок скота на фронт оставляла желать лучшего. Нежелание сдавать мясо государству по утвержденным тарифам было повсеместным в губернии. Поразительно, но в условиях военного времени все меры властей по устранению снабженческой проблемы оказались тщетными. Земства либо не справлялись с задачей, возложенной на них, либо негласно потворствовали существованию продовольственного кризиса. Как уже выяснилось, губерния имела запасы продовольствия, значит речь о возникновении дефицита продуктов питания не идет. В этом случае возникает вывод о том, что представители царской администрации и земские органы самоуправления не смогли наладить должной связи друг с другом для решения вопросов государственного значения. М. Д. Карпачев периодически указывает на соперничество, которое возникло у земских органов и коронной администрации со времен Земской реформы 1864 г. [1, с. 70]. Похоже этот вывод подтверждается и в данном случае. Другой аспект этой проблемы кроется в отношении населения к текущей войне. Как известно, начало войны было встречено патриотическими манифестациями и бурными проявлениями верноподданнических чувств по всей стране. Со временем война приобрела характер затяжной, и военные тяготы постепенно стали ложиться на плечи населения. Лозунг «Все для фронта, все для победы!», появившись он в годы Первой мировой войны, разделило бы далеко не все русское общество. Крестьяне не спешили обеспечить город продовольствием, промышленность не поставляла товары в село, и все это по причине неумелой продовольственной политики. Вмешательство государства в регулирование экономики, относительно стабильная жизнь в тылу и растущее непонимание целей и задач войны породили стремление основных производителей сельскохозяйственной продукции обеспечить прежде всего свои индивидуальные экономические интересы. Эти обстоятельства, как и недоверие к власти, безусловно, стали дестабилизирующими факторами, сыгравшими на руку революционной ситуации в феврале 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпачев М. Д.* Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии) / М. Д. Карпачев // Российская история. – М., 2011. – Вып. 3.

2. *Оськин М. В.* Продовольственная политика России накануне Февраля 1917 года : поиск выхода из кризиса / М. В. Оськин // Российская история. – М., 2011. – Вып. 3.

3. *Корнилов Г. Е.* Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века / Г. Е. Корнилов // Российская история. – М., 2011. – Вып. 3.

4. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. 20. – Оп. 1.

5. ГАВО. – Ф. 6. – Оп. 1.

6. ГАВО. – Ф. 21. – Оп. 1.

*Воронежский государственный университет
Цуканов Д. А., аспирант кафедры истории России
E-mail: dan-cukanov@yandex.ru
Тел.: 8-908-140-10-80*

*Voronezh State University
Tsukanov D. A., Post-graduate Student of the History of
Russia Studies Department
E-mail: dan-cukanov@yandex.ru
Tel.: 8-908-140-10-80*